

перманентные дискуссии по вопросу о ее предмете и специфике понятийно-методологического аппарата, можно зафиксировать тенденцию определенной унификации проблематики в социально-экологических исследованиях и существующих трактовках предметной области социальной экологии. Среди них можно указать на следующие:

- 1) разработка проблем экологической оптимизации социальной деятельности, т.е. обоснование таких ее целей и средств, которые бы не противоречили законам функционирования осваиваемых экосистем и биосферы в целом;
- 2) исследования деформирующего влияния техногенных факторов на качество окружающей среды;
- 3) теоретическое обоснование биосоциальной природы человека и анализ процесса дестабилизации генофонда человеческих популяций в современных условиях;
- 4) изучение системы взаимосвязей между социальными и пространственными (географическими) факторами, определяющими формы и методы человеческой деятельности, а также способы организации человеческих сообществ.

Анализ этой проблематики позволяет заключить, что наиболее адекватной реальности и перспективной в социокультурном отношении будет такая интерпретация предметной области рассматриваемой научной дисциплины, в которой органично сопрягаются естественно-природные и антропогенные параметры целостного социобиосферного комплекса.

При этом, конечно, не следует ориентироваться на разработку и обоснование таких концептуальных моделей, в которых бы отчетливо реализовался классический императив органичного синтеза различных языков описания и математических структур, фиксирующих биотические, абиотические и антропогенные компоненты целостных социобиосферных комплексов. Такая задача весьма слабо коррелирует с реалиями современной науки, и, безусловно, будет воспринята большинством представителей научного сообщества экологов с вполне обоснованным скептицизмом. Вероятно, сегодня необходимо двигаться по принципиально иному пути, творчески реализуя парадигму постнеклассической науки, в рамках которой вместо диалектического синтетизма востребована методология дополнительности, столь убедительно подтвердившая свой эвристический статус в решении важнейших проблем физического познания.

Не исключено, что дальнейшее эффективное развитие социальной экологии в рамках системной ее парадигмы будет связано с актуализацией именно этой методологической стратегии и скоррелированных с нею ценностных и мировоззренческих ориентаций современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зеленков А. И., Водопьянов П. А. Динамика биосферы и социокультурные традиции. Мн., 1987. С. 71 – 134.
2. Зеленков А. И. Социокультурные и методологические приоритеты развития современной экологии // Эколога-экономический механизм сохранения биоразнообразия особо охраняемых природных территорий. Брест, 2007. С. 40 – 47.
3. Ласло Э. Макродвиг. К устойчивости мира курсом перемен / Пер. с англ. Ю.А. Данилова. М., 2004. С. 108 – 109.
4. Хёсле В. Философия и экология. М., 1993. С. 9.

Игнатюк И. А. – аспирант кафедры философии и социологии Государственного учреждения «Южно-украинский национальный университет имени К. Д. Ушинского».

НА ПУТИ К МНОГОМЕРНОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Человек склонен усматривать в природе если не разум, то некий абстрактный метаразум, проявляющийся в самоорганизации человеческого тела, как конкретного, материального отражения природы в человеке.

Но в монологе человека с природой, присваивающего многомерность смыслов и ей, под человеческими интенциями обнаруживается как нескончаемое в своих возможностях поле деятельности, так и эстетическая локальность, проистекающая из сенсительной части познания человека, сквозь призму порождаемых им же смыслов.

Многомерность следует рассматривать в приложимости к чему-либо, т.к. последняя позволяет

войти в поле, исследуемого наукой предмета, выделяя под предметом, даже человека, и подойти в своей методологической гибкости к проявлению и, возможно, извлечению явных и скрытых атрибутов и граней исследуемых разумом вещей.

Когда человек направляет свой взор на мир, то вполне способен обнаружить целостность и взаимосоорганизованность наблюдаемого в нём.

Человек в отличии, от "мира, как такового", будучи носителем сознания, склонен обнажать присущую как миру так и человеку глубину, как бы нацеливаясь на нахождение «предполагаемых» страт отовсюду.

Философия – это постоянный поиск "образа" мира и "образа" человека в их соотнесённости одновременно – это сознание того, что всякий такой образ исторически условен и относителен, что есть и другие измерения проблемы, и иные прорывы к истине на иных путях.

Человек по природе своей существо незавершённое. Он - пространство возможностей; поэтому он – нечто, за пределы чего нужно идти.

Экзистенциальное пространство – это такое "место", где производится человеческое в человеке и реализуется индивид как самость.

Человек есть факт, а не феномен и не задача.

Между различными картинками восприятия человека должна быть установлена обоснованная логическая взаимосвязь и соподчинённость.

Отдельные образы человека не исключают, а дополняют друг друга, если мы научились фиксировать границы их адекватной применимости, а также концептуальные способы перехода от одного образа к другому.

Мир для человека метафорическое зеркало, отражаясь в котором человек не может отказать себе в соблазне порождения новых смыслов, в многосложности которых он и обнаруживает собственную многомерность.

Миро-человеческая многомерность обнажается и развивается в метафоре псевдоотражений себя в мире и мира в себе...

Чем-то влекомый, выделяя, интенционируя наиболее значимое, человек оставшуюся массу представлений относит к "экологическому калейдоскопу природы метафоры".

Познавательная позиция субъекта - важнейший методологический и эвристический потенциал идеи многомерности.

Многомерность, как термин обретает силу в том случае, если различные мнения имеют основания. Т.е. показывают не всю целостность объекта суждения, а ту, которая им доступна по всем параметрам определённой ситуации, разрешающие его способности интеллекта (из кибернетики) факторы ситуации и в объекте наличие проявлений всех этих условий. Таким может и должно быть наше знание о мире и о человеке, если это знание считается или проявляется в контексте самодостаточной картины мира, поясняющей что подобное знание, любое знание – составляющая целостной многомерности мира или любого объекта, нами никогда полностью не могущего быть достигнутым. Человек как объект познания многомерен именно в этом смысле.

Человек является существом воплощающим и отражающимся в своих воплощениях.

Многомерность человека особо сложна разнообразием детерминанты его действий и деятельности, тем более она всегда неявна, потенциальна, выделяема, но не выявляема.

Социальная среда сегодня вариативна. Вооружённый знанием человек и имеющий цель способен отслеживать, варьировать, контролировать и целенаправленно формировать в себе человеческие возможности. Но для этого необходимо понимать, хотеть рационально выбрать и добиться. Это и есть смысл жизни, свобода и сознательная воля.

Переживание чувства свободы в приоткрытиях собственного несовершенства, т.к. каждый раз в прожитке, именно, этого чувства, открываем, мы, новый горизонт, лежащий по ту сторону себя.

Взято из материалов написанных для Всероссийского философского конгресса Игнатовым И.А.

Ильин В.В. – доктор философских наук, профессор кафедры экономической теории Киевского национального университета имени Тараса Шевченка.

СОФИЯ ИЛИ ЛОГОС? ОСТАНЕТСЯ ЛИ МУДРОСТЬ БОЖЕСТВЕННЫМ ПРИЗВАНИЕМ?

*«И оглянулся я на все дела мои, которые
сделали руки мои, и на труд, которым трудился я,
делая их: и вот, все – суета и томление духа,
и нет от них пользы под солнцем!»*
Ек., 2. 11.

В истории всегда побеждали сила и разум. Но при условии, что они не становились преградой денежным интересам, сохранению и приумножению материальных богатств. Военный гений Наполеона и его личностная харизма не смогли победить финансовое могущество его главного врага – Британской империи, опиравшееся на гарантии золотых запасов Английского банка и ресурсы своих колоний. Так вершилась вся история – только появлялось желание осуществить то или иное, казалось бы, прогрессивное, нужное действие, во имя людей, во имя высоких идеалов, но если оно затрагивало прагматические, финансовые интересы, то всегда преградой на его пути вставляли юридически аргументированные или «общественная необходимость», или «политическая», «экономическая», «идеологическая целесообразность» и прочее, сводившее задуманное на нет. Ведь как иначе можно объяснить драму, происходившую две тысячи лет назад: Сын Божий, пришедший к людям с проповедью любви, смирения, справедливости, с критикой всего старого и ненужного, становится жертвой своих же соотечественников? Его идеи равенства, «царства истины», которые должны были стать основой жизни для *нового человека*, оказались не приемлемыми ни для кого. Более сильной оказалась жажда власти, догматизм мышления, стремление сохранить приоритеты отживших, но удобных ценностей, страх, зависть и другие, далекие *от религии любви и христианской морали* качества, ставшие непреодолимым барьером перед возможностью осуществления добра, счастья, покоя.

Усилила трагедию никчемная сумма – «тридцать серебряников». Такой оказалась цена идей, которые могли спасти человечество. Возможно, именно с того времени вошла в обиход двойная мораль, суть которой: на словах защищать общечеловеческие, духовные ценности, говорить приятные вещи, а на практике, в конкретной жизни выбирать все-таки те же символические серебряники – в прямом или переносном смысле. Ведь именно с их помощью решалось множество проблем, что, в конце концов, приводило к новому качеству жизни человека и общества, далеко не всегда соответствующих высоким идеалам и заветам. Вся история культуры преисполнена разочарований и отчаяния по поводу слабости человека, не способного противостоять силе соблазна денег. Ради сытой жизни и собственной выгоды он становился жадным, коварным, жестоким, всегда оправдывая свою никчемность морально, юридически, исторически, экономически.

Но голос пробужденной совести и ощущение существования лучшего, привлекательного в своей искренности мира заставляли все же искать то *святое*, которое могло бы очистить от грязи и низости. То есть *то*, что сохранит красоту, надежду, веру, любовь, мудрость, уважение к достоинству человека. Однако, как только наступало осознание необходимости для жизни указанных духовных факторов, сразу находился тот, кто заявлял о своем праве быть их носителем, охранником, властителем с последующим правом на окончательную истину. И все начиналось сначала: власть, ее привилегии, соратники, лакеи, предатели, выгода. И всюду – деньги, деньги, деньги. Они становились атрибутом сильных, а для всех других, слабых, смиренных, законопослушного большинства, утешением оставалась уверенность в бесполезности жизни тех, кто во имя «золотого тельца» презрел «высшие ценности», и ценности своего «доброто» имени.

И в этом есть определенный смысл. Действительно, никакое телесное удовольствие не может сравниться с величием открытия своих духовных возможностей, позволяющих увидеть глубинное содержание и сокровенные смыслы бытия. Не потому ли, стремясь к познанию, человек с особым уважением относился к мыслителям, мистикам, поэтам, художникам, ученым, святым отцам, которые в своей самоотверженности высшим истинам представляли *иную жизнь*, лишённую суеты и сутолоки этого предательского, преисполненного лицемерия мира? Но подобная жизнь не для всех, и само познание постоянно находилось под контролем «властителей», «носителей» «вечных истин». В